

Но ты не сможешь отпустить
на волю,
но ты не сможешь подарить
свободу,
но ты не сможешь приручить
навек,
чтоб не кончался горизонт
повсюду...

Егор Летов

В летних сумерках чувствовалась горечь, приятная и острая – такая бывает после короткого дождя, когда высыхающая на солнце трава пахнет в сто раз сильнее, чем обычно; эта горечь улавливалась не обонянием, время от времени она просто возникала внутри, отчего сердце на секунду сжималось, а потом начинало биться неровно и нервно.

Сидеть дома с таким ощущением было невыносимо. К тому же я прекрасно понимала, что означает эта внезапная горечь. Так бывало со мной уже не раз, и следом за ней неизменно наступало полнейшее равнодушие к жизни, которое, если его вовремя не перебить, легко могло бы иметь самые неприятные последствия. Но, к счастью, всякий раз я знала, что нужно сделать.

Велосипед был не мой, мне оставил его на время своего отъезда один старый знакомый. Сказал: будет, мол, нечем заняться или вдруг грустно станет – покатаешься, мозги проветришь. «Надеюсь, за полгода в Штатах я куплю себе такой же, даже намного круче» (что-то про карбоновые рамы и три десятка скоро-

стей), – добавил он, как-то нарочито улыбаясь, как будто тренировался для новой жизни, где всё в изобилии и все улыбаются.

И ведь действительно срабатывало: даже в разгар очередного приступа вселенской тоски стоило только выехать за город, хорошенько разогнаться... Как в детстве – на плохо управляемом гиганте со странным названием «Сура»... Сразу видится клип моей любимой группы Queen: молодые англичанки, этикие эмансипе леди Годивы, катят с ветерком на допотопных спортивках с загнутыми рулями... их много... Но это лет четырнадцать, наверно, мне уже было, когда я сама в последний раз каталась!.. Вспоминается немецкий фильм про взрослеющую девушку, получившую первый оргазм при поездке на велике... Хотя для меня в этих велотрипах нет почти совсем ничего эротического, а тогда – и тем более... Было что-то простое и в то же время сложное, как запутанная задачка по геометрии... и в то же время опять простое, неопишное, от какой-то неповседневной тайны: какой русский не любит быстрой езды?! Только я вот не очень русская, да и коротенькую клетчатую юбочку с цепочкой на боку я бы тогда ни за что не надела...

Тогда в нашем городке встретить велосипедиста (а тем более велосипедистку) было большой редкостью, разве что прогремит рано утром в выходные дядя Петя из второго подъезда, в длинном плаще и резиновых сапогах, с приотанной к рамке удочкой, а потом вечером, уже поддательный, катит домой скрипучий «Урал» на руле со снизкой силиявок для кота... Проедет спортсменка в облегающем костюме – все так и замирают!.. А тут – откуда-то всё больше вышмыгивают на модных «велах» невероятные, раскованные девочки-манги – как будто те самые иностранки из клипов и фильмов: в тех самых юбочках, в которых мы и на дискач отпроситься не решались, в лосинах уже без

юбочек, в перчатках, очках и наушниках!.. И почти всем тем же экипированные – мальчики!..

I want to ride my bicycle,
I want to ride it where I like...¹

Но, может, я и не вышла бы из дома с велосипедом. Так и осталась бы лежать на кровати с пледом, безучастная ко всему, глядя в потолок или в книгу, что казалось мне занятием практически равноценным. Или, набрав первые несколько цифр одного очень важного для меня номера, останавливалась бы в раздумьях, сбрасывала, а через минуту набирала снова. Однако нашлись у меня кое-какие дела, которые, как ни странно, даже сумеречный мой сплин не смог отодвинуть на второй план. Тем более что всё это каким-то неведомым образом оказалось между собой взаимосвязано...

Поэтому, будоража соседей, я прогрохотала вниз внушительного вида «изобретением». На улице в лицо сразу же бросился порыв сухого ветра. Вечер, притворившийся благостным и прохладным, по ту сторону оконной рамы оказался душным и неприветливым – если б не велосипед, тащиться на другой конец города расхотелось бы мгновенно. Но именно туда влекло меня моё важное дело, а если точнее – подруга, с которой тысячу лет не виделись.

Вика – странно сказать! – капитан контрразведки, спортсменка, комсомолка, а теперь ещё и в меру брутальная красавица латинка (в отличие от миниатюрной, неспортивной, скромной и... стильной, не в лосинах, меня), целых четыре года пропадала в джунглях гангских джунглей и южноафриканских рифтов (!) и теперь прие-

---

¹ «Хочу покататься на велике, хочу кататься на нем, где захочу...» (англ.). Из песни Bicycle Race группы Queen.

хала на несколько дней в тихий родной городок «оформить на себя» квартиру бабушки. Такую встречу откладывать нельзя, несмотря ни на какие причуды моего эмоционального фона.

Отбросив хандру и уже с удовольствием предвкушая поездку с ветерком, вспорхнула на велосипед с грацией, которую наверняка оценила бы, будь она жива, «божественная Изадора» («дар Изиды» – какая энергетика в этом созвучии!), и направила его в западную сторону города, туда, где за уходящей в бесконечность лентой главной улицы, казалось, не было больше ничего.

* * *

Я верю: он появился неслучайно. Я теперь знаю, что, если бы мы не встретились именно тогда и именно так, я разыскала бы его каким-то другим способом. Любым. Потому что он стал частью меня гораздо раньше, чем я увидела его.

Обитатели и завсегдатаи Дома печати в нашем милом городке испокон веков считали и продолжают считать сие учреждение средоточием интеллектуальной и даже богемной элиты. Один местный Союз писателей в двух кабинетах на третьем этаже чего стоит! Понятно, нельзя произнести подобное без иронии: богема и духовный аристократизм – в суетливо-тягучих буднях провинциальных редакций, на прокуренных лестницах с жестяными банками окурков... Но он появился именно здесь!..

Я работала в одной из крупных областных газет и чувствовала себя, что поделаться, почти совершенно в своей стихии. Тогда-то мне и стали попадаться на глаза его тексты: необычные, умные, порой с вольным обращением с принятыми понятиями и авторитетами, едва ли не циничные – что совершенно несвойственно нашим авторам, а у него казалось всегда уместным и органичным.

Написанные от руки, мелким и неровным почерком, их и разобрать-то с первого раза мало кто мог... Я – могла. Я была единственной, кто брался их перепечатывать, и раз от раза процесс этот становился для меня почти сакральным действием, выбивавшим из рабочей колеи на весь оставшийся день. Да что там работа – часто после очередной его рецензии или отчёта о неведомых мне литературных мероприятиях и столичных тусовках я ночей не спала, размышляя, кто он, как выглядит, сколько ему лет... и представляла, что в один прекрасный день... В общем, я влюбилась. Смешно сказать – по почерку.

Прекрасный день наступил зимой. Редакторша привела в кабинет, где я работала, голубоглазого молодого человека... Он показался мне симпатичным и скромным, и на её просьбу помочь внештатнику с распечаткой какого-то текста я, несмотря на занятость, отреагировала снисходительно. Я отлично знала, что его рецензии и очерки всегда были на бумаге, но почему-то, как только мы остались вдвоём, сердечко моё начало очень уж усиленно работать, подгоняя кровь к лицу. Оно, глупенькое, что-то такое почувствовало... Взгляд его был так же энергичен и необычен, как и тексты. Какая-то вспышка... На мониторе – его текст, готовый к печати. А под ним – его имя! Вот так мы наконец встретились. И я безмерно возжелала стать его собственностью.

Он об этом, конечно, ещё не знал.

* * *

Честное слово, крутить педали не так-то просто! Особенно с непривычки. Первые километры это может нравиться и даже приводить в восторг, но минут через двадцать-тридцать ноги словно наливаются свинцом, и согнуть-разогнуть их становится действительно проблематично. Не проехав и половины пути, я поняла, что до

Викиного дома просто не дотяну, ибо путь и на общественном транспорте был бы неблизкий. Стремительно вечереет, я вся вымотанная, боль во всех мышцах... И, главное, надо ещё выдержать разговор – первые эти минуты... Не столько, я всё же надеюсь, выяснение отношений, сколько сразу поддержать его, как говорят, в позитивных тонах.

Надо предупредить: мало того, что тень старой нелепой обиды, наверное, так и стоит у неё, виртуальной и загорелой, за плечом, оно и просто невежливо. Остановилась, достала мобильный.

Гудки, скрип и скрежет... Дышу всё же часто, в груди, прямо у горла, что-то колыхнется...

«... В глухих лугах его остановлю...» – тоже песенка про вел и любовь из нашего детства...

– Ну ты где? Я тебя уже заждалась! – вполне себе бодрая.

– О, извини, ты знаешь, я... я тут к тебе на велике выехала и на Советской шину проткнула! Какие-то уроды стекла насыпали, авария, что ли, была... – немного не то, осекаюсь, но ладно... – Придётся возвращаться, а пока туда пешком, обратно, уже совсем поздно будет, давай я завтра?..

– Вот ты всегда так! Ладно, слушай, завтра мне здесь в нашей конторе отметить нужно – я ведь человек подневольный, сама понимаешь, типа служу отечеству... Давай тогда лучше я к тебе часика в два сама заскочу, фотки принесу, fine? В воскресенье мне уже надо прибыть на... Оу, сорри, зарапортовалась!.. – Подруга детства уже шесть лет живёт в столице и там несёт ответственную, тяжёлую и невидимую, на взгляд обывателя, службу. Вернее, это уехала она в столицу, а дальше её швыряло – то в Беларусь, то на остров мечты и свободы, то в Индию, а теперь вот докатилась и до Южного полушария.

– Ой, Вик, это было бы просто супер!

Не умею я врать – даже на три копейки. Детсад какой-то...

Впрочем, ей, наверное, не до меня: наверное, она сама «пытается адаптироваться», не выглядеть напрочь чужеродной. В очередной раз ловлю себя на том, что говорит она, перемежая речь простейшими английскими словечками, иногда совсем странными (раньше высказывали все эти *innit?* и *okay*), то зависает на месте, то, наоборот, захватывает-заглатывает кучи слов, как будто задыхаясь, из-за чего обычные фразы звучат непривычно, как-то наигранно.

Эх, мы тогда в старших классах балдели от Кубы – море, солнце, экзотика, Фидель, Че, революция, – доставали все эти редкие книжки – можно сказать, целый фан-клуб организовали. А когда она «вдруг» попала на заветный остров, я начала учить испанский. Кстати, там, на курсах, как раз и познакомились с хозяином велика Иннокентием – столь же интеллигентным молодым человеком, как и все его родственники и само его имя. За пару месяцев дальше *El gato es gris* мы не продвинулись, зато своей разнополой дружбой подтвердили, что вопреки расхожим стереотипам и из этого правила всё же есть исключения.

Вика тоже зависла там недолго, а потом уже началась у неё «Рабыня Изаура»... В общем, с Викторией мы были неразлейвода, хотя тусили, особенно когда уже «на почве Кубы», со многими (там даже приличные наши дворовые мальчишки «вступали в ряды», даже помещение хотели выбить). Ещё у нас была Аринка, третья подружка, больше Викина. Я тоже знала её с ползунков, жили рядом, но как-то не особо с ней сдружилась, а потом она всплыла уже в одиннадцатом классе. С самых зелёных лет я смутно понимала, чувствовала, что с ней «что-то не то». В «большой жизни» (тоже уехала, в Питере умудрилась стать

фэшн-фотографом) эти её детские наклонности, судя по обрывочным сведениям из полудюжины открыток, проявились в полной мере. Сплошная романтика, только вот с очередной «невестой» к родителям не заявишься.

И вот однажды ситуация выскочила как в идиотских мелодрамах или ситкомах. Вышло так, будто я свою Вику от неё, этой взрослой Арины с её наклонностями, «захотела отбить», – а в частности ничего другого, как вместо давно планируемого Аринкиного дня рождения в кино потащила. (В детстве мы с Викторией любили затяжные пеплумы типа «Спартака», а потом ещё во дворе пытались их инсценировать... А тут папаше дали бесплатные билеты, Жанка уехала, и я – только узнавшая само это пепельное слово «пеплум», казавшееся засыпавшим античную древность пеплом Везувия, – позвала одну Вику...) В мои семнадцать мне ничего подобного и в голову не могло прийти, первые песни Земфиры мне даже нравились, сама всем раздавала и переписывала на центре кассету!..

В общем, каким-то образом вышел натуральный скандал, каким только может быть скандал подростково-девчачий. Аринка со мной года два не разговаривала и год потом в Питере, и с Викторией у них испортилась вся дружба, и до кучи даже у нас с Викторией... Но вспоминаю я, конечно, не это дурацкое недоразумение, а то, например, как мы с ней ещё классе в пятом разрисовали книжку про Винни-Пуха. Причём занимались мы этим почему-то не в школе на уроке и даже не дома, а во дворе за столиком... И неудивительно – такой уж там творился криминал. Лежащему на боку бедному ослику Иа были воткнуты сверху вилы и рядом подпись: «На мясокомбинат!». Свастика на плече мальчугана – и вот вам Кристофер Борман! – даже и сейчас смешно.

Вроде не обиделась, это хорошо. Только мне возвращаться домой совсем перехотелось. Ноги за время

остановки теперь, кажется, отдохнули и окрепли. Я огляделась по сторонам. Справа от меня мелькнул, поманив картинками пыльного детства, захолустный переулочек, выходящий к набережной и мосту через речку, за которой – хорошая асфальтовая дорога, ведущая к дачам. Сблaзн свободно проехаться по ровному полотну, приятно-мягковатому, нагревшемуся за день и теперь медленно отдающему своё тепло розоватому солнечному свету, не шарахаясь непрерывно от сигналиющих машин или рьяно спешащих куда-то людей, оказался велик, и я, дав по тормозам, уверенно свернула.

* * *

На своё двадцатитрёхлетие в подарок от провидения я получила не только высокую температуру, но и его визит. Это произошло через месяц после нашей первой встречи. По просьбе редактора я вышла на работу больная, было тяжело, и, когда в конце дня он появился, тихонечко открыв дверь (наши сотрудники да и посетители врывались всегда шумно и нагло!), я даже не знала, радоваться мне или нет...

Опомнилась, предложила чаю. На мои расспросы, чем занимается помимо прекрасных рецензий, без воодушевления ответил: «Да ничем, диссертацию пишу», – как будто речь шла о работе грузчиком. Я, наверное, так и сияла, и он, уже оживившись, признался, что вообще-то ещё и прозу – и вот первый роман даже скоро выйдет в Москве.

С писателями местными, матёрыми прозаиками и юными поэтессами, я сталкивалась-общалась едва ли не каждый день, а некоторых даже доводилось по долгу службы интервьюировать. Эх... Участие в Межобластном слёте, грамоты от Администраций и Организаций – в общем, сплошные достижения... Или, например, Инно-

кентий. Если он открывал рот заговорить о книгах и музыке, то говорил всегда, как свойственно потомственному технарю-интеллигенту, с дилетантским пиететом, даже с раздражающим придыханием! Как о Культуре с большой буквы, как о каком-то «пеплуме» и «Олимпе»! Если он, «сын своих родителей», мог запросто обронить: «Обожаю музеи и путешествия»... То «мой brutальный грузчик», напротив, рубил плеча, взвешивал на руке шедевры и мнения и на глазах играючи отсекал лишнее. В двух предложениях он закручивал такое, отчего коллеги-журналистки, если вдруг удосужились прочесть свою же газетёнку, ещё долго интеллигентно-праведно охали!

По счастью, книга как раз была у него с собой на дискете, и он запросто согласился дать мне её почитать, так сказать, одной из первых. Хотела ли я быть его «одной из первых», пусть и в ломающей тело – и в глубине души уже и саму душу! – горячке? Да!

Предложил пойти выпить пива, и через полчаса мы уже сидели в баре с литературным названием «Три товарища». Однако Ремарком тут, понятно, и не пахло, место было, мягко говоря, весьма далеким от какого бы то ни было искусства вообще. Едва слыша друг друга из-за орущей неприятной музыки (а я – ещё и от температурного шума в ушах), мы оба, собственно, не знали толком, что сказать...

– О чём же именно будет ваша диссертация? – обращаюсь к нему на «вы», борясь с привычно-журналистскими интонациями.

– Платонов и Набоков, – заявляет он, как будто с треском сталкивая бильярдные шары, проверяя, произведёт ли взрыв совмещение двух абсолютных антиподов.

– Но они же... – я едва лишь вздрагиваю.

– Да, – радуется он, не давая перевести дыхание, – материя и антиматерия, антимир. Один – хтонический

дух, восславляющий вышнее. Другой – дух стиля, языком языка фиксирующий мимолётное... Как совсем сбрендивший под старость Иудушка Головлёв – антипод Дон Кихота. Но это всё литведческая хрень. А вообще – о девочках.

Тут у меня в глазах мелькает смутная тень файла, который был на дискете рядом с романом, но такое не забудешь: «Лолита», Достоевский и Набоков. (Всё же не Платонов?!)

– Понятно. Но, если честно, не очень...

– Ну... вот у Набокова Долорес, – нарочито простецки говорит он, будто декламирует детские стишки, – а Достославный, ясно, тоже был этой тематики не чужд... Ну тот, со своим «чистым искусством», у него и содрал. Как вирус и антивирус. Причём антивирус, выходит, создан раньше вируса. С набоковских позиций антивирус, анти-ребус... Короче, группа «Тату» forever!

«При чём тут “Тату”»? – внутренне пожимаю плечами.

– Подожди, а как же тебе в универе разрешили писать об этом?!

– Да вот не столь уж и разрешили... Научное сообщество противоборствует, приходится всячески отстаивать... своих девочек.

– Нравится вам Набоков? – осторожно интересуюсь, вопрос этот для меня важен.

– Всё меньше. Платонов-то намного круче, – как будто иронизирует, но ответ верный! – А уж об антивирусе Достоевского я вообще молчу.

Забавно! И как-то загадочно даже. Многозначительно молчу и жду, что скажет дальше. Курить я бросила.

Наконец-то спрашиваю о романе.

– Да тоже о девочках... Но предупреждаю: это круче, чем Лимонов! – заявляет он вновь, наконец-то закуривая, улыбаясь, вглядываясь теперь открыто – в меня.

Заявление – зашатаешься, а скромность – врождённая...

Я опять соображаю: когда он зашёл, то заметил у меня на столе его книжку.

Вдруг вспоминаю Вику с её «викторианской» культурной продвинутостью – нарочитые её фотки в стиле «Пусть мы менты, но ментально не тупы». Когда она ещё моталась поближе, с собой она, пока на невзрачные эти наши пляжи, демонстративно, чтоб попали в кадр, таскала книжки – то пелевинские картонки, то сорокинские дерьмографии... Потом уже пошли слоны, индусы, леопарды, немыслимые храмы в непроходимых джунглях, учителя, ашрамы, носороги, единороги... – короче, совсем уже без текста. А тогда всё даже «что-то умное» постоянно пыталась мне написать: I'm thrilled, в восторге, мол, от того-то, потом от того-то, от Сенчина уже и Елизарова. Я отшучивалась: современную я не читаю, здесь я совсем винтажница и круче всех викторианка, но ЭВЛ – это другое...

Он даже откинулся на спинку стула, приобняв её рукой с дымящейся сигаретой, – жест экспансии и благородства. Но через полминуты, стряхивая пепел, заёрзал, ссутулился на краю стула. В глазах – ни тени похвальбы или столь же привычного желания «рассказать анекдот», «навешать лапши» – как будто он о чём-то далёком и мифически давнем нечаянно вспомнил и теперь вдруг это увидел в отсвете простого бокала. Уж и не знаю, что со мной, но я верю – и его словам, и его жестам.

Улыбаюсь и разглядываю его руки: они тонкие и красивые. Думаю: наверное, такие и должны быть у гениев, и не только у музыкантов. И какой там Лимонов! «Мне бы только смотреть на тебя...»

Что я ему кое-как отвечала, даже и не помню. Недомогание моё он, видимо, заметил, но, поскольку мы были едва знакомы, сделикатничал, промолчал и сократив

время свидания. Выпил один бокал, а я от своего маленького едва отхлебнула.

О моём дне рождения в этот день он так и не узнал.

* * *

За рекой садилось солнце. Хотелось разогнаться и полететь прямо к уходящему в неведомые глубины оранжевому шару – так убийственно красив был этот закат.

Асфальтовая дорога всё же оказалась не очень ровной, и велосипед, подскакивая на выбоинах, звенел всеми своими деталями. «Как бы не угробить его тут», – пронеслось у меня в голове, и тут же, в нескольких метрах впереди, показалась широкая просёлочная дорога, уходящая от магистрали в сторону леса, и я сползла на неё.

С этой дороги вскоре свернула на вмятую одноколейную тропку, ведущую по обочинам полей к подлеску. Поначалу ехать среди лопухов и чертополоха, клёнов и орешника было легко и прикольно – велик всё же и для езды по пересечённой местности. Как ни странно, у меня без особых усилий получалось, не сбавляя скорости, лавировать меж обступающих с обеих сторон зарослей, приятно чиркающих и бьющих по ногам и крыльям – подсохшие, как бы ощутимо горькие репейник, полынь, цикорий (Жанка пьёт его «для похудения»), кустистые ромашки с полуоблетевшими лепестками (только мои любимые не аптечные, что назывались раньше «маточной травой» – от латинского matrix, а элегантно-одиноким луговым), просто высокая полевая трава... Вот настоящее стерео: тут и там – то тут, то там!.. Да, прикольно – как вся эта мелькающая поросль слегка колет кожу на икрах...

Скрипение рессор, поскрипывание руля, странное, но приятное чувство руля, общая пружинистость всего и ощущение поездки, чуть ли не полёта: как будто это

– твоё дополнительное тело, скрипящее всеми своими костями и сухожилиями, ритмично сокращающимися мышцами, трущимися деталями и поверхностями, несущее тебя к... ор-га... низ... (шучу: это просто толчки от кочек на дороге!), к едко-оранжевой точке уже у тебя в зрачках.

Тропинка бежала себе вдаль, легко и беззаботно, и эта лёгкость постепенно словно бы передавалась мне. Вкрадчивая, успокаивающая вечерняя свежесть, различимые, но приглушённые запахи и звуки, незаметно меняющиеся с привычных городских на подзабытые, но в глубине сознания такие родные – даже для не бывавшей в детстве в деревне меня.

«Колесом за сини горы солнце красное скатилось...» – как-то невзначай процитировал он моего любимого поэта, и я, как знаток, даже начала спорить, но почему-то мне казалось: рыжее.

«Он мыслит до дури о штуке, катающейся между ног...» – я даже это знаю, загадку о крестьянине (и много-гое, ой-ой, другое!), и, конечно, ответ – лисапед! Естественно, проспорили оба: у Есенина «солнце тихое скатилось». А он сказал, что, видите ли, не любит оранжевый цвет, не любит апельсины, не любит...

Жёлто-красное, огненно-рыжее светило растаяло за горизонтом. От прогретшейся за день земли ощутимыми волнами идёт тепло, и в то же время со стороны шоссе и речки или ещё со стороны леса и озера уже веет холодной сыростью...

Поглощённая особой медитацией движения и перемещения в пространстве, своими мыслями и мечтами, я не сразу заметила, что заросли вокруг сгустились и довольно сильно стемнело. Оглядевшись, я поняла, что не знаю этого места и никогда так глубоко в подлесок не заходила. В груди возник лёгкий холодок. Тут совсем всё иное,

особенно если смотреть вверх, где со сказочным скрипом качаются едва белеющие и мрачно чернеющие стволы... стучат дятлы, пахнет сумерками, растительностью и сыростью... кружится голова...

«С тропинки-то я не сворачивала, и, если не сверну, она меня и выведет обратно», – чуть сбавив скорость, поехала всё же ещё дальше. Однако через несколько метров дорожка начала резко сужаться, настолько, что холодные кленовые лапы неприятно задевали по лицу. И вновь, вместо того чтобы остановиться и осмотреться, повернуть назад, с испугу я, конечно, начала что есть мочи крутить педали!

Вокруг было уже почти полностью темно, стало трудно следить за дорогой, и очень скоро, как я будто и предчувствовала, запнувшись обо что-то, рухнула вместе с железным конём прямо в заросли папоротника.

Едрить твою коляску! – тут нужно точное ругательство. Навернулась нехило – плечом саданулась, боль даже и в шее немного... Кости вроде бы целы... Отплёвываясь от паутины, ищу соскочившую сумочку с телефоном... Кое-как поднимаю, выдирая из сухой травы, велик. Вот так и знала – ещё и цепь слетела! Закрепить её, конечно, дело нехитрое (в детстве я, кажется, делала это не раз!), только после руки будут в мазуте, а вытереть нечем: листья и трава, я уж знаю, помогают мало. Но раздумывать особо некогда – темнеет, десятый час уже, скоро и видно мало что будет.

Вздыхнув, прислонила буйного коня к ближайшей берёзке – даже с подножкой не стала мучиться! – и, без наносекунды эротизма, присела перед ним на корточки. Уже хотела ухватиться за треклятую неприятно-маслянистую цепь (раньше, кажется, был ещё «ключик» – аптечка с инструментами на рамке «Суры» болталась), как вдруг совсем рядом явственно услышала... голос.

Даже не голос, а такой неопределённый звук, похожий на громкий вздох. Отчего-то сразу показалось, что издать его мог только человек. В ужасе я отпрыгнула назад и, снова задев ногой торчащий над землей корень, оказалась на земле.

Поднявшись-отряхнувшись, увидела неподалёку врытые в землю дощатые стол и лавки, которые сначала не заметила. Интересно, кто это себе место под пикничок оборудовал в такой глуши?..

Инстинктивно схватилась за телефон – моя подержанная раскладушка (хоть не развалилась!), конечно, тут же запикала... Чтобы побороть приступ страха, даже начала довольно громко напевать:

There's nothing left to try,
There's no place left to hide.
There's no greater power,
Then the power of goodbye...²

Почему-то Мадонна, самой смешно... Да и вообще... удачно пришвартовалась! Только бы скорее починить велик!..

И снова я услышала тот же звук. Уже громче и отчётливей. Сомнений не было: совсем рядом кто-то есть, и он явно чувствует себя нехорошо.

* * *

Гость стал заглядывать всё чаще. Каждый раз неожиданно, приводя меня в панику и замешательство, и хотя я под каким-то благовидным предлогом дала ему однаж-

---

² Ничего не осталось, чтобы пытаться,

Здесь больше нигде спрятаться.

Нет большей силы,

Чем сила прощания... (англ.). Из песни Мадонны The Power of Goodbye.

ды свой телефон, он ни разу не позвонил. (Потом узнала, что телефона у него, конечно, нет никакого, звонил из автомата, да и вообще тогда ведь вообще не было всей этой интернет-болтовни!)

Роман к тому времени был мною прочитан несколько раз, так что к роману с его автором морально и, как мне самонадеянно казалось, физически я была подготовлена. Однако всё шло как-то очень уж неторопливо, а если точнее – практически никак. Но я была влюблена в него безумно, влюблена так, что даже кажущееся (или намеренное?) отсутствие намёков с его стороны на наши возможные более близкие отношения меня почему-то не смущало. Я упивалась его книгой, своей любовью, она озаряла меня изнутри, и я буквально сияла. Так хорошо мне не было никогда.

Книга и действительно оказалась сверх ожидания странной, ломающей трафареты и устои, выворачивающей всё наизнанку, обнажающей неприглядное, но где-то в глубине... Да и созерцая автора, я подчас видела перед собой не взрослого парня с притягивающей харизмой, с жёсткой раздваивающейся бородкой и в камуфляжных штанах, а маленького мальчика лет шести...

Смешно до слёз, что наши мадамы, конкурируя с ним за место в газете, сами ваяют рецензии – то на Татьяну Толстую, то на Улицкую, то вообще на каких-то Ветлицкую-Метлицкую и Дину Рубину – всё то, что мой папá с присущим ему профцинизмом (он журналист) называет «климактеральной прозой»... (Хорошо, что хоть Иннокентий всё же Лимонова читал и Стругацких, а не...) Да ещё, увиваясь вокруг редакторши, суют ей книжки и на ходу обсуждают, «кто интеллектуальней» – из этих их высоколобых фавориток, а как будто из них самих... А тут тихой сапой, покуривая, заявляется он – со своим листочком с каракулями!..

Мои эмоции зашкаливали, сокровенные мечты, казалось, сбывались среди обычных рабочих будней. Каждый его рассказ, каждая рецензия, которые он приносил «в печать» или просто почитать, оказывали на меня какое-то экзотическое воздействие. Они пронизывали меня насквозь, как ток, – от любых строчек, написанных им, я испытывала ощущение безумного, неземного счастья... Подобное со мной случалось впоследствии – я нисколько не преувеличиваю! – разве что при оргазме – и, признаться честно, возможностью такого сравнения я тоже обязана ему.

Рассмейтесь, смехачи! Знайте же, незнайки! Хотите и не хотите, нехочухи!

Может быть, всё это так и продолжалось или закончилось бы, не начавшись, если б тем дождливым летом в один из своих теперь уже весьма частых визитов он не предложил мне вместе отметить праздник города – справляемый всеми «в один и тот же час, в один и тот же день»... До этого я была, как все говорят, на дне города (наверно, «На дне», как у Горького!) только один раз в детстве да регулярно перепечатывала славословно-тошнотворные отчёты на первых полосах и неизменно им сопутствующие криминальные сводки «на задворках»...

С одной стороны, естественно, ничего хорошего из этого празднования не вышло, и надо было бы сразу воспринять это как некий знак, но с другой... Моя подруга Жанна, хоть и знакомая уже с некоторыми сомнительными личностями, совсем вдруг не выдержала «колорита» и через десять минут под проливным дождём сбежала. А я – осталась!

Так я познакомилась с его миром – с целым, казалось мне, «подпольным обществом» и прежде всего с его чудаковатым другом Логиновым, тоже на ходу сочинявшим стихи и изречения.

И оставалась четыре месяца, и пытаюсь – после всего, что было, – оставаться по сей день...

* * *

Осторожно на ставших ватными ногах пошла к зарослям и дощатым столикам. Мучительные вздохи раздавались слева от меня, из-за большого разлапистого куста – осветила умирающим экранчиком – кажется, бузины... Кровавые её ягоды, как погасшие вспышки, в наступающем сумраке леса выглядели зловеще. Попытавшись хоть немного унять дрожь в ногах, я поразмыслила, что просто вот так взять и удрать, укатив велик, будет если не глупо, то точно трусостью: кому-то, вероятно, требуется помощь, и, может быть, ничего страшного не произойдёт, если я просто посмотрю, в чём дело. Стараясь не шуметь, я пролезла через заросли травы и колючие ветки...

Я ожидала увидеть всё что угодно, но только не то, что предстало моему взору. К толстому стволу дерева грубой верёвкой была привязана девушка – совершенно голая! Услышав меня, она дёрнула головой и что-то сдавленно промычала, видимо, пытаюсь залепленным скотчем ртом позвать на помощь.

Я лихорадочно схватилась за телефон – как за какое-то оружие. Естественно, он, предатель, в последний раз слабо ойкнув, погас именно в этот момент! Да и кому на самом деле звонить?..

Забыв на минуту про страх, я подошла ближе. Она подняла голову, и я увидела выразительные глаза со следами размазанной вокруг них косметики. Большие зелёные – вот редкость! – красивые... Волосы до плеч, тёмные, мелко вьющиеся, сбившиеся паклей, как будто намазанные маской, с застрявшим в них сором хвоинок и шелухи коры. На казавшемся в сумерках совсем белым теле с застывшими разводами пота и грязи даже в темноте отчётливо

проступали выглядывавшие из-за спины и бёдер кончики багровых полос, на ногах и руках – ещё несколько сразу заметных синяков. На правом предплечье – меня так и пронзило, как током, словно я уже именно эту татуировку где-то видела! – вариация пошлого сюжета: змея и роза, но сплетены они странно – в двух местах роза как будто змею протыкает!..

Мне снова стало жутко. А вдруг её мучители притаились где-то неподалёку и сейчас за мной наблюдают?! С трудом переводя дыхание, я огляделась по сторонам и прислушалась.

Нет, всё тихо, вокруг никого, только лес... Голова как-то кружится... Под мягким летним ветерком зашептали листья...

Она снова мучительно застонала и умоляюще посмотрела на меня. В глазах блеснули странные искры, и даже почудилось – делающие их тёмно-карими, как будто красноватыми... Я пригляделась к ней внимательнее. Попыталась почему-то представить, как бы она выглядела в одежде, не привязанная, в таком унижительном виде здесь, в глубине этого... ставшего внезапно мрачным и страшным, всё больше погружающегося во тьму безлюдного леса!

Но время шло, и нужно было что-то предпринять.

– Подожди, сейчас я тебя освобожу, – мой собственный голос показался мне в тревожно шелестящей тиши глухим и сдавленным (минуту назад я, представьте, могла петь!); в груди всё как будто наливалось жаром, расплавленным свинцом, и во всех конечностях тоже – колени дрожали, руки тряслись...

Стараясь не причинить боли, я отлепила скотч – но не резким движением. В мгновение она дёрнулась, как будто сейчас бросится на меня. Я отпрянула, тем же сдавленным шёпотом извинилась. Её губы были тонкие, почти как

у меня, но чувственные, с едва уловимой кривинкой – как будто усмешкой наглости... припухшие, в крови, с синеватыми следами вокруг.

– Развяжи... пить... – чуть слышно простонала она, едва почувствовав, что может говорить.

Пить нечего – воды нет, да и вообще я не из тех, кто таскает с собой в сумке целый арсенал. Надо осмелиться осмотреть эти долбаные лавки – может, что-то в остатках, в бутылках...

Попыталась расслабить узел, стягивавший концы толстых верёвок, но он оказался словно из камня. Ножа, чтобы просто его перерезать, у меня тоже не было. Ни пилки для ногтей, зажигалки или ещё чего-то... Никакой велоаптечки с ключами и отвёртками в современных байках тоже, я ещё раз на это посетовала, не предусмотрено.

– Не получается... не знаю, что делать, – в панике проговорила я, отступая, чувствуя головокружение... кажется, от этих запахов...

– Попробуй ещё, ну пожалуйста!.. Не уходи, попробуй ещё! – стонет она жалобно, но мне кажется, что с какими-то неуместными детскими нотками и при этом в полутьме незаметно ухмыляется... Понятно, что тут такая ситуация... и всё это мне кажется. Ей не позавидуешь... Но меня «пробивает» даже, что вокруг явственно ощущается резкий запах бузины, даже тошнотворный её вкус – как будто где-то во рту почему-то застряло само это неприятное слово: «бузина». И так и кажется, что всё же приговорно, кривовато она улыбается, с каким-то упоением своим страданием.

Опять приступ страха – что они где-то здесь и всё подстроено.

Невольно подрагивая, вслушиваюсь. Нахожу силы ещё к ней приблизиться. Обдаёт запахами: мочи, пота, может

быть, запёкшейся крови – застывшим ужасом и ещё чем-то мерзким, терпко-горьковатым... Кажется, этим пахнет прямо из её рта!.. Отвратный запахок размороженного, слегка пропавшего мяса. Остатки костра, мерзкое амбре алкоголя, пот, моча – это понятно... Интуитивно, теоретически догадалась: сперма.

Преодолевая отвращение, я подошла к ней вплотную и нагнулась проверить, насколько туго связаны ноги и нельзя ли ослабить верёвку хотя бы в каком-нибудь месте. У лодыжек она казалась не настолько сильно затянутой, и я изо всех сил принялась отковыривать и тянуть шершавую петлю. Девушка, помогая моим усилиям, стала крутить и дрыгать коленями (грязными и стёсанными) и вскоре, почувствовав некоторую свободу в щиколотках, пыталась переступить с ноги на ногу, мешая мне толком снять кольцо.

– Попробуй теперь вот эти, выше! – нетерпеливо дёрнулась она. Её тон сразу стал обрадованным, уверенным, даже требовательным, голос низкий, грубоватый. Меня мутило от пряно-горького зловония, чувствовалось что-то противное, странное, как будто я прикасалась к отвратительной жабе.

Ошарашенная, в отвращении и даже обиде, я отвернулась, отклонилась, даже на шаг отошла. Но едва я ступила, как под ногой что-то хрустнуло, вдруг откуда-то с уханьем пропорхнула тяжёлая птица – видимо, сова, – голова закружилась, и я ухнула в какую-то воздушную яму...

* * *

«Стать собственностью» мне, конечно, не удалось. Слишком я была самонадеянна, да оказалось, и «что-то своё», что ему не нравится, тех же Queen, я почему-то готова была отстаивать, по его выражению, «как собака свою пустую будку».

В тот первый раз ничего не произошло. «Надо было тогда сразу тебя выгнать», – заявил он мне по этому поводу год спустя, когда мы уже окончательно расстались.

Я знаю, знаю. Всё было не так. Всё не так и теперь. И если бы я стала хоть чуточку великодушнее, я бы бросилась прочь, на край земли, подальше, чтобы только больше никогда не причинить ему боль. Ведь я и сейчас люблю его!

Всю ночь, лёжа в опасной близости, я стойко отражала его нападения. Не столько потому, что кроме него и меня на периферии квартиры или даже комнаты присутствовали «не вполне на тот момент адекватные реальности» – Логинов и забредший на огонёк некто Фёдор, сколько оттого, что казалось: если позволить себе (не ему, а себе!) что-то сейчас, едва соединившая нас тоненькая ниточка может оборваться... А ведь ничего ещё толком между нами не началось!

– Ну что же ты... Дай я посмотрю, какие у тебя трусики, – его руки, очень настойчивые, пытались пробраться куда-то внутрь надетых мною его спортивных штанов.

Он ведь предупреждал: если пойдёшь ко мне, рискуешь сразу угодить в реальность моих книг. Вот оно, пресловутое дно города?!

– Не надо ничего смотреть... Спи, поздно уже! – за дурацкими фразами плохо удавалось скрыть желание всё-таки сдаться. Но я твёрдо решила не...

Логинов, поднявшись по стеночке, сфотографировав нас невидящими глазами зомби, ввалился, словно какой-то горбун, в туалет, чем-то загремев, и слышно, как в темноте он мочится мимо, после чего, охая, уползает на кухню... Рухнул, стоная, на пол, потревожив Федю, в тусовке информалов известного рэпера, брутального и вусмерть обдолбанного...

– Ну что ты стесняешься, не стесняйся... – рука любимого легла на мою шею очень двусмысленно, а когда я

разжала губы, чтобы изречь очередную реплику о пользе здорового сна, его язык молниеносно оказался внутри меня, так что на секунду стало трудно дышать. Недоумение, негодование, и... я ответила на этот совершенно неприличный поцелуй!..

Его манера двигаться, говорить, этот неопикуемый взгляд – всё это не бросается в глаза, но если на миг остановиться, замереть, присмотреться – всё это так необычно!

Одна моя подруга, когда я провела с ней эксперимент «опишите человека по фотокарточке», не колеблясь, определила: очень добрый, глаза такие умные, живые, в них что-то детское. Другая неглупая знакомая заявила кардинально противоположное: наверно, жестокий, властный человек, себе на уме, я бы с таким наедине не осталась!

В жизни, не на портрете, всё в нём едино, красиво. Он целуется лучше всех. Он многое делает лучше всех. Даже варит борщ! Он просто – лучше всех. Но ни той ночью, ни несколькими последующими я ещё не смогла этого понять. Как и того, как он на самом деле ко мне относится.

«Меня раздражает даже твой голос в телефонной трубке», – это тоже говорит он. Говорит едко, но голос тихий, как будто испуганный, не заподозришь никакого намёка на перфекционизм...

Часто, когда он приходил ко мне на работу, я ловила себя на том, что чувствую, как от него, когда приблизится, пахнет потом, чесноком... Для меня, конечно, с детства пот, чеснок – что-то ужасное... Но теперь мне и самой уже часто кажется, что «аромат» дезодоранта неестественен, а «высокое содержание органических соединений серы», если оно не перепревшее, не совсем серное, отпугивает не только вампиров... едва ли не притягивает!

Я же тогда, в первую нашу ночь, ограничилась поцелуем. И кроме этого сделала ещё одну ошибку...

Как-то на мой вопрос об их с Логиновым пресловутой затее именовать себя гениями, а часто и в быту вести себя в стилистике «не от мира сего» он просто ответил: гений – это тот, в ком происходит настолько напряжённая схватка добра и зла, что на остальное ему часто не остаётся сил.

И расшифровал для меня: когда вижу, что меня слушают, понимают, хотят слушать и понять, я как бы преображаюсь, а с незнакомыми или с упёртыми-закостеневшими людьми просто молчу и улыбаюсь, а то и не улыбаюсь, иногда злюсь и, что совсем непростительно, жалею себя. Но я этот пассаж, адресованную лично мне исповедь пропустила мимо ушей, не поняла!..

Там, тогда, в сентябре...

– Отпусти. Ты меня достал. Тебе ведь всё не нравится. Всё плохо. Зачем так жить? Так нельзя, понимаешь?! – я не смотрела ему в глаза и верила: он всё понимает, всё чувствует и угадал мои намерения, может быть, даже раньше, чем о них узнала я сама.

Я и сама знаю, что не надо... но уже всё: я переступила черту. Бросаться на амбразуру, тоже говорил он (хотя явно со своей своеобразной иронией), не так ужасно, как сидеть в окопе, ждать и дрожать, ведь самое страшное, что может произойти, уже случилось.

Оказывается, это возможно: одновременно и хотеть наговорить человеку отборнейших гадостей, и безумно желать вцепиться в него, обнять, прижаться всем телом и, замерев, раствориться в нём.

И боль от всех этих слов: «руками не потрогать, словами не назвать». Это – обжигающий холод внутри, от которого горячо глазам. Это – горечь, как после короткого летнего дождя...

– Ну! – простонала она требовательно, с явной уже враждой. Но тут же, обессилев, поникла.

Едва удержав равновесие, стараясь не вдыхать, я шагнула к «столбу».

Провела ладонью – по шее, плечам, на кончиках пальцев почувствовав липковатую влагу пота. Тут же, как будто иглой прямо в мозг, в какую-то особую зону, ударил запах – как резкий запах духов, как спазм месячных, как зов жареного на костре мяса – непривычный, неприличный, шокирующий, полуживотный.

Мгновенно и нестерпимо захотелось испытать и вкус этого запаха! Будоражающего, завораживающего запаха-вкуса чужого тела – вынужденной истомы, почти добровольного страдания.

Я провела ладонями вверх по недлинным, липко-гладким ногам девушки. Она не холодная, не дрожит, слабо дёргается, часто дышит, облизываясь, сухо плюётся... Нащупала верёвку, охватывающую широкие бёдра. Рванула с силой, потом ещё и ещё – и вдруг, в каком-то диком порыве, резко выпрямилась, ничего не соображая от нахлынувшей темноты...

Она просто ничего не могла сделать. Ничего! Вот это всё: искусанные кем-то губы, исполосованные бёдра, дёргающееся, рвущееся куда-то тело, смыкающиеся передо мной голые ноги...

Я представила, как снова и снова опускался на эту плоть тонкий, свистящий в воздухе прут и после каждого удара оставались эти следы, похожие на длинных красных червяков.

– Не трогай меня, тварь, сука! Я сейчас... вот тогда ты, шваль, посмотришь – когда я тебя сюда привяжу!..

Не знаю, как в моих руках очутилась сломанная ивовая ветка, – помню только хлёсткий звук и страшный её визг,

когда я – с мгновенной стискивающей болью в висках, как от большого глотка неразбавленного виски – угодила прутом по какому-то особенно чувствительному месту.

«Языковые игры» – вспомнилось мне вдруг странное выражение, как будто его из обступающей темноты подсказал кто-то.

«... Беззвучно сказал кто-то...» – как в мультике нашего детства про туманного Ёжика!

Вряд ли её громкий, безумный крик вывел меня из моего одержимого состояния – в каком-то новом беспамятстве я кинулась к ней: нужно было заглядывать вину, облобызывать, припасть к тому месту, куда я только что в такой злобе ударила!..

Оказавшись на коленях у ног жертвы, я пыталась поймать и поцеловать её бьющие меня колени...

«... Ведь мне жаль бедняжку, я хочу её отпустить, хочу её спасти, хочу...» – билось внутри. Блин, звезданула она мне в скулу со всей дури!..

Только почувствовав на пальцах влажное тепло, кровь или не кровь – непонятно, я, словно очнувшись от кошмара, дёрнулась назад... И снова...

Очнулась я с обломанным прутом в руках.

О боже, что я... Исхлестала ей все ноги! Но главное – она перестала орать.

«Чёрт, я что, её убила?! От этого умирают?!» – мои ладони вспотели, а руки тряслись, но я собрала все оставшиеся силы и вновь принялась отчаянно развязывать путы, обвивающие тело теперь уже моей несчастной жертвы.

– Что я наделала... Прости меня!.. – Я хотела заглянуть в глаза девушке, чтобы она увидела мои и поняла: я – другая, я – не та, которая всё это с ней сотворила!.. Но они были закрыты и в сумраке темнели страшными чёрными провалами. Она молчала.

Я тоже сделала ошибку. Ответила вниманием на предложение его товарища, поэта со смешной фамилией Горошкин, рассказать мне о его личной жизни. Тот же, словно боясь, завёл меня в безлюдное место на окраине – и здесь, под мостом, в душном и пыльном вечернем сумраке, доверительно-пониженным, чуть ли не дрожащим голосом поведал о его бывшей подруге, наркоманке, пустой и вульгарной, с которой «эпатажный писатель» расстался несколько месяцев назад, но которую всё равно всё ещё любит... Она, судя по всему, свалила во Францию, наверно, лечиться за счёт какой-то богатой родни, но кто знает, может, ещё и вернётся...

Доложив сие, он даже попытался, дурачок, взять меня за руку! Я вырвалась и отрезала: «Ложь!».

Расстались мы позже, в сентябре... Потом была эта странная, тягостная осень... Не останавливало меня даже то, что история с диссертацией «о девочках» продолжилась. Однажды к нам в кабинет заглянул журналист Сева с четвёртого этажа: у вас принтер работает? Каково же было моё удивление, что в распечатке оказался черновик его диссера! А Сева, которого он за деньги попросил распечатать, передал слова и настроения аспиранта: что «нет сил уже», «надо, наверно, всё бросить» и махнуть... в армию! (Куда их обоих, известных Masters of Peresdacha, не раз пытались отослать с последних курсов, но загредел с финального пятого один Логинов.) Сева начал было сортировать, пытаюсь отделить уже готовую пачку с Введением от Первой главы, но тут ему позвонили, и он, сбросив всё мне, убежал. Часть листов была из другой распечатки, на одном из них поперёк текста его безумным, «на грани и за гранью фола» почерком: «В этом романе метафорически речь ведётся не о сексуальности. Набоков хотел овладеть своей молодостью.

Именно "овладеть" – как нарушитель, violator, с помощью чародейства. Но овладеть ушедшим невозможно: время необратимо». В «Лолите» то есть, и то есть эта книга совсем не «о девочках»! Вот вам и «Тату» forever! Короткие фразы как гвозди... – или всё та же литвед-лапша, только уже в засушенном виде?..

Я взяла у редакторши цифровой аппарат и сфоткала пару исписанных листов. Тут были уже слоями друг на друге и в разных направлениях мысли и цитаты, мне кажется, как-то явно не по теме диссера. «Связи в человеческом мозге – это больше похоже на художественное произведение, большой роман или эпопею». «Возможно, всю Вселенную создаёт один-единственный электрон, который, рассеиваясь, мечется туда-сюда во времени». «"Я", видящее сон, – такой же эффект сна, как и то, что это "Я" видит. То "Я", которое видит сны, это не то же самое "Я", которое их анализирует, а особое сновидящее эго, как бы эхо обычного, исчезающее с самими снами». «Коллективное бессознательное – как грибница, где отдельные индивидуумы, словно грибы в лесу, никакие не отдельные, а лишь видимая часть одного общего сверхорганизма». «Любая революция должна начинаться здесь, в этой твоей душе, в этом теле». И это мельком поверх и между печатной «лапши»: реминисценции, интертекстуальность, нарратор, нарравтор, М. Бахтин, М. Лотман, Г. Барабтарло!.. В доинтернет-эпоху каждую мысль нужно схватить (из воздуха, разговора или книги) и присвоить-продумать. Вот что, наверно, его на самом деле интересует!

Помню, как задевало меня и то, что не только Горошкин, но и все мои новые знакомые из так называемой рок-тусовки, а иногда и окружающие коллеги, когда в разговоре в моих оговорках всплывали две простые русские фамилии, сразу улыбались, кивали, затем кру-

тили у виска, а под конец произносили: «Ну, это чума!». Алгоритм реакции всегда был тот же! «Лимонов» тоже просто так не произнесёшь, это даже в наше время (чаще такое обеденное – бедное, обыденное) – как сильный хлопок ладонями, как внезапный звук пощёчины. Затем уже или «чума», если человек молод и не совсем debil, или польются политические и иные инсинуации – если это всезнающий местный волк-журналига в засаленной безрукавке. А когда я несколько раз случайно наткнулась на знакомую фамилию, скромно прицепленную к коротенькой колоночке в совсем неожиданных местах (газетах и журналах – и не только тамбовских: даже в той самой, нелегально партийной!), одновременно чувствовала укол в сердце и ожог пальцев. Это как будто что-то яркое и немыслимое вырезано ножницами из яркой цветной бумаги и немыслимых тканей и наклеено на серую, туалетно-бумажную газетную поверхность.

* * *

...Пришла в себя и увидела её, нависшую надо мной, с безумной улыбкой на лице. Безумной и – даже красивой! Почему-то улыбнулась, едва не засмеялась – наверное, была рада, что она жива.

– Очнулась, сука паршивая! Ну, сейчас ты у меня посмеёшься!.. – Её колено больно надавило мне на грудь. Верёвка, которую она держала в руках, не оставляла сомнений в том, как именно она хочет её применить.

На ней были перекрученные красные стринги, а на ногах развязанные тяжёлые ботинки.

Совсем близко хрустнула ветка. Мы обе вздрогнули и обернулись «к столам». Её лицо мгновенно изменилось.

– Зверёк какой-нибудь, – я улыбнулась, зачем-то пытаюсь её успокоить.

Она, сидя на мне и держа руки, уткнулась горячим лбом в мою шею и тихо заплакала. Я ничего не говорила, просто молча гладила её по голове. Было тихо, темно и... невероятно хорошо...

Спустя минуту хруст в чаще повторился громче.

Она, вся вздрогнув, сильнее прижалась ко мне, загроживая волосами, распухшими губами как будто ища мои губы... Мне вдруг вспомнились неловкие ситуации, когда Вика в школьную пору пыталась подстроить что-то подобное – чтобы меня поцеловать...

Меня трясло, словно в ознобе, и через глухие удары собственного сердца, стучащего в ушах, как огромный барабан, я не могла расслышать, бьётся ли её...

Когда раздался чудовищный шорох шагов сквозь предательски молчаливые заросли, мы уже знали, кто это идёт и зачем. А когда ещё через мгновение перед нами встал чёрный мужской силуэт, высокий и огромный, поняли, что теперь не расстанемся никогда.

Лёжа спиной на сырой земле в заколдованном лесу, прижатая осквернённым похотливым бабским телом, я уже не думала ни о чём. И когда тело вдруг пронзила страшная боль и наступила темнота, я приняла это как должное.

* * *

У меня стучит в висках, болит всё тело, и особенно сбоку головы и в коленке... Я кое-как приподнимаюсь, оглядываюсь...

– Кто он? Где он?!

Где-то глубоко в душе, в подсознании понимаю, что это, наверно, мой демон. Бескрылый ангел-хранитель наоборот, живущий внутри. И я как бы чую, чувствую его, пробую на вкус его воздух, испытываю на прочность, отмеряю дробинки и шаги для дуэли, готовлюсь померить-

ся с ним силами. Он древний и страшный, но, по крайней мере, со мною соизмеримый...

Он являлся мне в ночных кошмарах – мерещился на грани яви, как только что вошедший, за полупрозрачной шторкой на балконе, – и я содрогалась и вскрикивала, а он исчезал. Чёрный мужской силуэт, на рассвете или среди бела дня, на балконе второго этажа. Как он здесь – тогда, там – очутился, о ужас?! Вспорхнул, вскочил на подножку пролетающей по орбите Земли, вытолкнут к нам – в каком-то искажённом зеркальном отражении, – как из переполненного трамвая преисподней в наш мир, в простую клетку балкона, просторную для него и светлую?.. Жутко высокая, почти в два раза больше обычного, фигура, мощный бронзово-гладкий торс с чёрной растительностью... И в этот миг отделяет его от меня лишь колышущаяся хлипкая занавеска! У него по-змеиному мудрый, злой, невыносимый, убийственный взгляд. Рога и пентаграмма на лбу или груди – они есть, но их сейчас не видно. В руках он принёс букетик засушенных надежд или цветов, синих колокольчиков, цветочков льна, в которых явно различимы шарики колючки синеголовника... или засохшего кошачьего дерьма! У меня от ужаса чуть не разорвалось сердце, я закричала во сне.

А этот намного симпатичнее, чем-то даже неуловимо похож на... неё! На него! О боже! На меня?!

Изящная крылатая Изиды – моя, её? – ты стройся с трона, плиз, и от меня, от нас – изыди!..

Ужаснувшись, вскрикнув, я очнулась.

Боже, как колотится сердце!.. Так это – сон!

Боже, как тяжело, неприятно, отвратительно! Отвратно, как внезапно наткнуться в зарослях на гору мусора, на остатки костра и пикника, с бутылками, объедками, презервативами и фекалиями, или даже на труп животного – всё это будто специально привезено и оставлено

людьми «в благодарность природе», это единственное, чем большинство из них может себя увековечить.

Я опять оказываюсь в привычном мире, в обычном времени. И вижу, хоть и довольно слабо в темноте, я примерно то же: полянка в лесу, как из сказки «Двенадцать месяцев», только мерзкая – утопанный человеческий пятчочек под пикник «с шиком»: врытый стол, лавка, пеньки, растерзанный мусор и... она!..

Да, главное – она на месте, совсем рядом, в двух шагах, вот она!..

– Оклемалась, б...ь! – грубо бросила из полутьмы она и, помедлив, тихо, немного притворно-жалобным тоном прибавила: – Извини, я не хотела... Всё это достало, такая злость... уроды!..

Я неосознанно принимаюсь, и кажется, что кроме таких ближних запахов, как запах потухшего костра и разлагающегося съестного, меня касается ещё и отвратительный запах горелой или перепревшей резины... тоже вроде бы знакомый, причём почему-то как будто бы из детства, но какой-то нехороший, мерзкий... Вспомнила: запах презервативов!

Но главное – не это. Что-то такое смутное, почти что знакомое... Красные замусоленно-перекрученные стринги, несуразные эти мартинсы...

– Ну, давай же, харэ копать! – прикрикнула опять она враждебно. – Где там твой велик, телефон?.. Есть чё попить-то?! Сука, суки! Ну как же... б...ь, «отошла от компании»!..

В долю секунды снова какая-то вспышка или провал, помутнение: как в сверхкороткой фотовспышке я вижу её фигуру, её тело, облепленное мухами... муравьями, комарьём и мошками!.. Ещё через микромгновение они разлетаются, и остаётся отвратительный... нет, не отвратительный, а просто сухой и белый, как в школе в кабинете биологии,

прочный и надёжный, единый скелет, кое-где с красноватыми стяжками мышц и беловато-голубоватыми стежками сухожилий, как на том же школьном плакате или атласе...

– Чмо, козлы вонючие, ответите!.. – Она прибавила целую гирлянду отборных ругательств, которые, надо признаться, в её поруганных поганых устах, произнесённые её грубым голосом, со всей её злобностью и одновременной какой-то несуразной мальвинностью, выглядели (или слушались) весьма органично.

Надеюсь, этого не было... Всё же жалко её...

...Откуда-то сверху обрушивается пчелиный, как в мультфильме «Маугли», рой, после которого на острове вылепляется что-то наподобие этого Маугли – или кто-то...

Интерференция! – вдруг осеняет меня из физики (которую я ненавидела, но её в юные мои годы преподавал отец) – вот что тут сегодня со мной произошло!

Я узнала её!

– Ты Эльмира, наркоманка, бывшая подруга... – Тут я понимаю, что сегодня произношу эту фразу второй раз...

Выходит, так он нас познакомил.

– А ты – маленькая сучка! – в рассеянном внимании слышится мне что-то вроде этого, как будто и она меня тоже узнала.

Это уж, блин, совсем какая-то «Санта-Барбара»!

– Заткнись, – машинально отзываюсь я.

Вспоминаю вдруг, что когда я подошла, кинулась к ней в первый раз и всё же расслабила снизу путы, то тут же неожиданно её узнала... и, огорошенная, не выдержала – сказала!.. В бешенстве отпрянула, даже ища опять какую-нибудь палку, рывком отскочила, нагнулась... Она тогда толкнула меня ногой. Я, видимо, упала и ударилась обо что-то головой. Вот тварь!

Ведь шут Горошкин тогда под мостом на словах живописал мне её портрет! И голос, и лексику. Эльмира

Зельцер, Дульсинея Тамбовская! Полнейшая, на хрен, Шахре-зада!.. Из Бриджит Джонс, вы знаете, никакими телепередачами, бьюти-блогами и даже салонами и пластической хирургией нельзя сделать...

Что-то такое знакомое... Я вспоминаю его оговорки, подробности текстов, припоминаю, как блеснули его выразительные, но тихие глаза, когда я спросила о самой одиозной «героине на героине»...

Но всё, оказывается, гораздо прозаичнее! Глаза её, конечно, никакие не большие, и даже не зелёные, и не карие, не «красиво-яркие», а самые обычные дуrolомные глазёнки, какого-то невнятного мышинового, смешанного цвета... Пусть, кажется, и с восточной этой пресловутой поволокой – профурсетской! – да с этим ещё едва уловимым утырочным блеском распутности и наглости! И эта соскребённая татуировка – задрипанный этот червяк вокруг кретинской розы, подростковый кураж!.. Тьфу!

Теперь я ясно понимаю, что видела её раньше, можно даже сказать, знакома с ней! Сама и лично! Город-то небольшой... Я отлично помню тот день, это было почти ровно год назад.

***

Это был наш поход на Святовское озеро. Тогда мы постоянно где-то шастали, в палатках ночевали...

Место красивое, интересное. Озеро идеально круглое, скорее всего, образовалось от метеорита. Мы не раз слышали легенды (даже в статейках краеведов в нашей газете) о его бездонности («верёвки с грузом до дна не достают»), о его смертельной опасности («много рыбаков утонуло») и, главное, о затопленной в нём церкви, из-за чего из-под воды иногда слышен звон колоколов, своего рода отголосок легенды о граде Китеже. Впрочем, наука вроде бы установила, что, подобно нынешне-

му шуму от автотрассы, до коей километров пять, поэтому и не подумаешь, что это эхо, от водной глади просто отражался звон ближайшей церкви; а вот сам пейзаж действительно не лишён метафизичности, есть в нём что-то колдовское...

Один раз мы лицом к лицу столкнулись в этом лесу с людьми в камуфляже и масках, с собаками и автоматами, они нас даже распластали на земле, типа что-то обрабатывали!.. Вроде как местные какие-то эрэнешники или «коловраты», не помню, как они себя именуют. Говорят, в конце 90-х таких тут развелось немало. Но и это происшествие нас не остановило, потом я только статейку написала «Операция “Ы”», после чего вызывали в управление ФСБ, расспрашивали подробности, сказали спасибо...

Но не об этом я вспомнила... На этот раз с нами в компании было трое парней, все наши – мои и Жанкины знакомые, со двора, «с детсада»... Дождь лил, впрочем, не сразу, а уже потом... Мы, кажется, совсем ничего не пили (у кого-то была баклажка пива «в дорожку»), просто жгли костёр, сидели, пели песни Янки... У нас и парни, это да, все были нормальные, приучены к самым приличным дружеским манерам... А рядом, на другой полянке, отделённой от нас еловым молодняком и стволом поваленного дерева, образовалась другая компания – более многочисленная, ну и, естественно, более пьющая... Они нам не мешали, но всё равно как-то заинтересовались: город небольшой, кругом все свои...

И вот наконец не вытерпели – послали делегата!..

К нам вышел Вовчик, двоюродный брат Вики (через год, вот недавно, он умер, отравившись грибами на подобной тусовке, очень жалко, ведь тоже его знала с малых лет), и он стал как-то лазить постоянно к нам... Вскоре все перемешались, а я из-за своей тогдашней привычки к созерцательности отделилась, пошла посидеть

одна на том самом здоровом горизонтальном дереве. И тут ко мне вышла девушка (весьма коренастая и довольно брутальная – такая деваха), в грубых ботинках, с какой-то финкой в одной руке («просто для прикола», типа аксессуар, сунула её после, как в брюхо, в карман-кенгуру) и с бутылкой бормотни в другой, и – предложила мне выпить!..

В конце, когда хлынул ливень, обе компахи, с дюжину человек, влезли в один автобус. Жанка со своим Арчаковым (всё выясняли отношения), я села с Тёмой, мы что-то веселились, ржали, а Шипунов (добрейший толстяк и великан, который всё пытался за мной ухаживать) возревновал и присел к одной из двух леди из их компании – как раз к ней. Они разговорились и всю дорогу вполне благообразно трындели всё про какую-то жёсткую музыку, про группу Burzum, превратно понятого Толкиена, ритуальные убийства и сожжение церквей... В общем, всякий хлам, хотя упились-то ещё далеко не в хлам... Её слегка намокшая шевелюра, как патлы металлистов, вилась во все стороны мелкими кольцами... Тоже мне Алла Пугачёва – в лучшие свои годы!

***

Нет сомнения, это она! Не верю своим глазам. Может, это опять всё сон? Но вот же она – она! – стоит, белая, бедная, дикая, вихляясь и приседая у обычного чёрного деревца... На ней дурацкие эти перекрученные красные стринги, грязные рыхлые ноги в непомерных, чуть ли не зимних, мартинсах... Те самые, я их помню!.. Вот они откуда! Вся эта вульгарщина, представленная мной-девочкой по басням Горошкина. Впрочем, сейчас их нет...

Как всё же больно!.. Удар в скулу и синячина со стёсанной кожей!.. А голова!..

Верёвка снята, но её руки по-прежнему сцеплены сзади – закручены ещё, как наручниками, какой-то, что ли, проволокой... Она извивается, мается, матерится, плюётся, вращается вокруг «столба», как будто со стуком (мне это опять невольно видится и слышится!) заскакивая ботинками на кусок доски рядом... Рядом, мне так и кажется, валяются шприцы, презервативы и от них пачки.

Надеюсь, что этого не было!..

– Давай, фря, чё мнёшься! Дай же чё-нибудь попить!.. – опять выкрикивает она с искажённым злостью лицом, надрывно кашляет.

Я смеюсь, меня разбирает смех, каким-то судорожным спазмом в какой-то безумной истерике.

– Так погоди у меня! – почти вслух произношу я, дёрнувшись было вперёд, к хлысту, застыв в нерешительности.

Позвонить Вике? Самой её уделать? В ментовку? Просто свалить?!

... Где же твоя финка – что же она тебе не помогла?!

... Или как мы вместе стоим тут: святой (простите за сравнение) Себастьян и маленький Маугли – написанный, конечно, великим брит-имперцем Киплингем! – с хлыстом в руке... Ну, или – наоборот?!

***

«... Вся твоя судьба написана ночью!..» Кто-то снюрюстит – летний, мелкий, малозаметный для людей ноктюрн, словно для какой-то метафизической связи земли и неба: з-з-з!.. – ритмичными волнами, поднимающимися-рассеивающимися снизу, из травы на опушках (почему-то ясно представляется, что из земляники, хотя кругом такое разнотравье, столько шорохов и запахов); кто-то потрескивает в кустарнике, как будто кругом мелко догорают костерочки или скребётся жук в спичечном коробке, но запах откуда-то (из леса, от озера – от леса,

из озера?) идёт не палёный, а пьяняще... даже какой-то звеняще ночной, и в нём всё кристально ясно, свежо и легко – и в отношении дыхания и запаха, и в отношении звука... Кажется даже, что слышится лёгкое шипение шин, доносящееся с шоссе. Высоко вверху скрипят и как-то постукивают высокие мачты чёрных деревьев – это уже совсем нечто сверхъестественное, из сказочного леса, таинственного и жуткого...

В детстве всю неделю ждёшь передачи «В гостях у сказки»... Иногда она была один раз в две недели, и тогда казалось, что тянутся они очень долго... Но не из-за того, что время было пустое и серое, как у стариков и взрослых (теперь даже на меня что-то такое надвигается...), – наоборот, время тогда, в дворовом и домашнем детстве, настолько было само по себе, для себя, в себе, настолько насыщено событиями – историями, играми, сказками, – что дожидаться обещанной, внешней, законоположенной ребёнку телесказки порой было крайне непросто!

...А где-то там, в вышине, сияют над всем этим звёзды, абсолютно спокойные и безопасные на расстоянии, молчат и светят, хотя и свет – это не молчание... и в каждый миг на нашей коже отражаются тысячи, миллионы мельчайше-рассеянных, никем не замеченных бликов со всей галактики, со всей лесоподобной вселенной!.. Какая-нибудь маленькая точка, говорил мне он, необязательно «звёздочка» – это может быть целая галактика или даже система галактик. «Луна – как зеркало, это всего лишь, быть может, отражение нашей Земли». Ну кто ещё так скажет – просто, поэтично и загадочно?! И впрямь она – ночник особый, свет солнца отражённый – и тоже ещё рассеянный, как в том детсадовском стихе... – какое всё же чудо, какой-то сугубый замысел, не прямой путь, как при семяизвержении у мужчины!.. «Стал натягивать

гамаша – / Говорят ему: “Не ваши!”» Свет, отражённый от щеки луны! От живота? Или бедра?! От ягодицы!..

Но штаны, так сказать, будут надеты – пусть и не «на ходу», но тоже быстро – как мы их обычно надеваем (вернее, надевали... и почему «мы»?!) поутру – валяющиеся за его раздолбанным, с торчащими железками писательским диваном (стола с таким названием нет) – главное, в темноте вовремя забросить за диван, чтобы ночью на них кто-то случайно не наблевал или ещё чего похуже!.. «Ночь пройдёт, наступит утро ясное... Солнце взойдёт!..» – напеваю, глядя на проснувшегося... ступая меж спящих... И едва успеешь проснуться – ослепительный свет бьёт в глаза из окна без шторы. Ослепительный не в смысле красивого прилагательного из школьного сочинения, но и не в смысле чего-то яркого и интересного, как в детстве или ещё недавно... а просто ужасно слепит глаза... Резкость, жара, ещё похмелье, негде помыться, нечем позавтракать, надо на работу...

... Лунное свечение похоже на советский чёрно-белый телевизор, маленький, с полукруглым выпуклым экраном, мерцающий голубоватым отсветом (однотонным!) за каждым окном, задёрнутым до половины – как будто вровень с линией горизонта! – простенькой занавеской. Смотрели его уже с вечера без света, дремали и засыпали, как моя бабушка – Муза... А я потом – с большим трудом и страхом! – выдёргивала штепсель из розетки. В этот момент бабушка просыпалась... Потом она купила телящик новый – огромный, японский, с дистанционным управлением, потратив на него почти все деньги от проданной дачи. «Пусть хоть одна вещь у меня будет!» – техника тогда была недешёвой, и откуда-то заказала она его «с доставкой», чуть ли не из самой страны с красным солнечным кругом на флаге. Тут как раз Берлинскую стену разбирали – мы смотрели, – и, кажется, тоже ночью... «Солнечный круг, немцы вокруг, Гитлер пошёл на разведку!..» А мне больше

нравился тот, маленький, с изображением, как поверхность Луны... Но его выбросили: «Он своё отпоказывал».

Да и «лунный пейзаж» стремительно изменился... Странные дела: чуть не у каждого нашего современника, в каждой семейке-ячейке Адамсов есть свой персональный лунозаменитель, кусочек неднёвного светила, как в давнишнем кукольном мультике про бегемотика (вообще-то страшноватом), который поймал солнышко и по кусочку раздарил его друзьям. Всё красочное, вертится, такой калейдоскоп, а сказочного, чего-то общего – уже ни капли. Или эти «капли» давно уловлены, впитаны-вчитаны в товары для тех, кто по своему возрасту, казалось бы, уже не должен ждать непосредственной встречи со сказкой – прокладки, тампоны, стиральные порошки, кремы от морщин и для закрепления зубных протезов.

Говорят, что ягодицы в то время вообще не показывали, животы, бёдра – тоже крайне редко, да и то издалека; в ланиты также целовали крупным планом только сами знаете кого... Я это, слава богу, не застала. Моё, наверно, чуть ли не первое воспоминание – похороны Брежнева по тому ещё лунному телевизорику – и в любой день строгому (впоследствии ещё ставшему изменчивым по яркости и ширине экрана – совсем как ночное светило!), а тут уж совсем мрачному, чёрно-белому и занудному, совсем без какой-то сказочности. Особенно когда в самый торжественно-антисказочный момент внезапно гроб сорвался и грохнулся. Жуть! А уж бабушка как была строга, старая коммунистка: заставляла всё это целый день смотреть, не отпустила на улицу, запретила смеяться! Я совсем не понимала, в чём дело, и старалась напроказить. (Какое забавное слово – такое, помню, разнообразно-радужное... Сейчас для меня оно всего лишь как пустые клетки из ч/б кроссворда!) Ягодиц я тоже никогда не видела. Полстрочки смайликов.

А если б видела, то посмеялась бы, наверное. Меня они почему-то никогда не интересовали. Это ему всё «жумпелá» снятся и мнятся (местная колбаса благородно именуется «Жупиков», а пиццерия – «СкороХот»!), так что он и сам не знает, как от них отмотаться, и иногда в этих несуразных снах постепенно горячее – легко, наверно, стремительно и незаметно – перетекает в нечто горящее. Он вскакивает и кричит. Спи, маленький! Спи, маленькая!

Ещё одна запись из его листков. Может быть, цитата, но меня, помню, сильно прошибло, как и про «грибницу бессознательного»: «Аксиома выбора (математика) – даже наша способность выбирать не самоочевидна». Дальше какие-то формулы и что-то про онтологию, «структуру ситуации», «связь бытия и события»... Может быть, я чересчур загоняюсь, но всё равно это вам не I'm thrilled (пусть и на фоне спецзаданий, рифтов и ашрамов) и не Иннокентий с его «хочу сегодня повелосипедить»!

Ну уж «бессознательное»: пошла Маша по грибы – иди и смотри! – в него, в него! – в под- и бессознательное. Ты прекрасна, слова нет!.. Ну уж дудки! Вот ведь угораздило! Держи карман! Ещё посмотрим! Получишь у меня! Не получишь!

Надо сознательно отсечь себя, как ножом грибника, вредоносный соблазняющий перст! Сплюнуть, как ангел Лаодикийский, с огненным взглядом неземных-ледяных очес, всю тёплую и злобную кровь отравленного глаза, летнюю эту и ту осеннюю горечь. На брудершафт, с тобой, дорогая тварь, мы всё же не пили!

Я просыпаюсь – ещё раз! – и теперь окончательно и по-настоящему. Я надеюсь вернуть его – я верну его!

... Я покидаю этот лес, кручу педали, чувствуя сердцем нечто новое и важное, ощущая ушибленными ногами, как встречаются и смешиваются, отталкиваясь, поток влажного холода из низин и поднимающийся, стелющийся тёплый воздух прогретого асфальта.